

A portrait of a woman with blonde, wavy hair, smiling and leaning forward. She is wearing a coral-colored blazer over a light-colored top, a pearl necklace with black beads, and a ring on her finger. The background is black.

Мы все устроены
одинаково. Если
я справилась
с онкологией,
то что мешает
вам победить
болезнь?

ДАРЬЯ® ДОНЦОВА

Я ОЧЕНЬ ХОЧУ ЖИТЬ

Мой личный опыт

Дарья Аркадьевна Донцова

Я очень хочу жить:

Мой личный опыт

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3357045

Я очень хочу жить : Мой личный опыт / Дарья Донцова: Эксмо;

Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56081-3

Аннотация

Эта книга написана женщиной, которая не один год боролась с раком груди и сумела победить болезнь. Дарья Донцова шокирующе откровенно рассказала о том, как долго искала хороших врачей, как прошла через несколько операций, химио- и лучевую терапию, как много лет принимала гормоны и сумела справиться с вызванным лекарствами изменением веса. Это не повествование врача или рекомендации психолога. Это предельно откровенное описание личного опыта и простые, но очень действенные советы от женщины, пережившей рак молочной железы. Ее рассказ о моральных и физических ощущениях, о минутах отчаяния и о том, что придало ей сил бороться за свою жизнь. Говорят, каждый болеет в одиночку. Дарья Донцова решила написать эту книгу, чтобы и больные, и их родственники

знали: они не одиноки, рак победим, и сделали своим девизом слова: «Никогда не сдавайся!»

Содержание

Вступление	5
Начало длинного пути	14
Лучевая терапия	51
Альтернативное лечение	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Дарья Донцова

Я очень хочу жить:

Мой личный опыт

*Посвящается хирургу Игорю Анатольевичу
Грошеву, всем врачам, медсестрам, санитаркам и
сотрудникам Московской городской онкологической
больницы № 62.*

Вступление

Я часто приезжаю в книжные магазины, чтобы встретиться со своими читателями, и рано или поздно в толпе любителей детективов непременно найдется женщина, которая, протягивая мне книгу на подпись, тихо скажет:

– У нас с вами одна проблема, я имею в виду онкологию. Можно нам поговорить с глазу на глаз? Неудобно при всех обсуждать деликатные вопросы.

Я, как правило, отвечаю:

– Подождите, пока закончится автограф-сессия, и тогда побеседуем.

Когда основная масса народа расходится, около входа в кабинет директора магазина собирается группа из пяти-десяти человек. Меня сразу начинают атаковать вопросами,

главный из которых звучит так: «Даша, скажите, рак победим?» Услышав мой утвердительный ответ, женщины сразу интересуются: «А как вы лечились? Что помогло вам выздороветь?» Вопросы сыплются, словно из рога изобилия. Как пережить химиотерапию? Где найти хорошего врача? Почему знакомой назначили лучевую терапию, а мне не хотят ее делать? Вы боялись операции? И так далее.

Я очень хорошо понимаю своих читательниц, поэтому всегда стараюсь детально рассказать о собственном опыте. Но мысли написать на эту тему книгу у меня ранее не возникало. Я не хирург, не психотерапевт, я всего лишь человек, который прошел через онкологию, наверное, я не имею права раздавать советы. Так мне думалось до недавнего времени.

Изменить мнение в отношении книги меня заставили два события.

О моих встречах в книжных магазинах сообщается заранее, информация вывешивается как на сайте издательства «Эксмо», так и на моей личной странице, а вот визиты Дарьи Донцовой в онкологические клиники не афишируются. И тем не менее я довольно часто посещаю стационары. Зачем? Ну, во-первых, там в палатах много моих преданных читателей, которым по состоянию здоровья трудно пойти в книжный магазин. А во-вторых, больным людям нужна моральная поддержка, им необходимо слышать, что онкологическое заболевание не приговор, оно лечится. Но одно дело,

когда эти правильные слова произносит врач, и совсем иное, когда пациенты видят перед собой веселую, довольную жизненную женщину, у которой была та же проблема, что и у них, и у нее за спиной те же операции, уколы, таблетки. Я, так сказать, работаю живым примером. А еще мне удастся уговорить лечь на стол хирурга тех людей, которые по глупости отказываются лечиться.

Так вот, приехала я в очередной раз в одну клинику и прямо в холле увидела двух женщин в больничных халатах. Они меня узнали, со всех ног кинулись ко мне, и я решила, что дамы сейчас попросят автограф. Но нет, одна из незнакомок сказала:

– Даша, тут все говорят, что вы приносите удачу. Это правда?

Согласитесь, не очень-то удобно отвечать в таком случае: «Да, конечно, совершенно верно».

Поэтому я забормотала нечто невразумительное. И тогда в беседу вступила другая больная:

– Мы знаем, читали в Интернете, что подпись Донцовой волшебная.

Я опустила глаза и окончательно смутилась.

Много лет назад ко мне, тогда начинающей писательнице, на книжной ярмарке подошла красивая и очень грустная девушка. В тот год за автографом Дарьи Донцовой еще не стояла километровая очередь, поэтому мы с читательницей могли поговорить спокойно. У незнакомки оказалось пре-

красное, но далеко не самое распространенное ныне имя – Марфа, она была москвичкой и очень хотела выйти замуж. Да, видно, мужчины сразу понимали, что девушка мечтает их окольцевать, и поэтому старательно избегали отношений с красавицей. Мне стало жалко Марфу, я решила ее подбодрить и сказала:

– Знаешь, если один человек пожелает другому что-то от всей души, то пожелание непременно сбудется.

Потом взяла свою книгу, написала на первой странице: «Дорогая Марфа, пусть то, о чем ты мечтаешь, осуществится в этом году. С любовью, Дарья Донцова» – и отдала томик собеседнице.

Повторяю: мне просто хотелось утешить Марфу. И она действительно перестала шмыгать носом, ушла домой почти в хорошем настроении.

Представьте мое удивление, когда через двенадцать месяцев на следующей книжной ярмарке передо мной появилась молодая женщина и весело спросила:

– Помните меня?

– Простите, нет, – ответила я.

– Книгу узнаете? – не успокаивалась читательница. – Вот ваш автограф, смотрите...

Я прочитала надпись и тоже заулыбалась, вспомнив прошлогодний разговор.

– Вы – Марфа! Как ваши дела?

И вдруг собеседница громко воскликнула:

– Вы волшебница!

Потом она повернулась к терпеливо ждущей очереди и закричала:

– Люди! Подпись Донцовой приносит удачу! Она мне пожелала выйти замуж, и я теперь счастливая жена! Вот, видите, у меня обручальное колечко! Просите у Дарьи все, что хотите! Не упускайте возможности!

За год, прошедший с момента нашей первой встречи с Марфой, количество поклонников у меня резко прибавилось, около стенда издательства «Эксмо» было довольно многолюдно. И после слов девушки я несколько часов, не разгибая спины, писала на своих книгах разные пожелания: любви, здоровья, денег побольше, хорошей работы, родить здорового ребеночка...

Через месяц, когда я приехала в очередной книжный магазин, первый же покупатель сказал:

– Знаю, ваш автограф приманивает удачу. Мне бы стать начальником отдела... Напишите вот тут, аккуратно, и число непременно поставьте.

– Кто вам сказал о такой особенности моей подписи? – осторожно спросила я.

– Народ говорит, и в Интернете сообщают, – пояснил он. – В чатах утверждают: что вы напишете, то непременно сбывается. Бабы замуж выскакивают, парни работу получают, в институты люди поступают.

Я попыталась воззвать к логике собеседника.

– Это простое совпадение! Если я и пожелала ста женщинам удачно выйти замуж, то большая часть из них непременно и без моего автографа найдет себе пару. Никакой моей заслуги в этом нет.

– Совпадение или нет, а вы все равно напишите то, что я прошу, – не дрогнул мужчина.

Ну и что мне было делать?

Теперь я никогда не спору с читателями, всегда желаю им то, чего они хотят, но предупреждаю:

– Просите только хорошее. Если задумали отнять мужа у подруги или подсидеть коллегу, ничего из этой затеи не получится.

Самое интересное, что потом у большинства людей действительно сбываются заветные мечты. Я получаю много писем с благодарностями. Наверное, мое пожелание срабатывает, как плацебо. Или, может, права была моя бабушка, когда говорила: «Пожелай человеку от всей души хорошего, и он его получит; пожелай дурного – и сам злобой захлебнешься».

В холле клиники подошедшие ко мне пациентки заговорили на ту же тему:

– Знаем про вашу волшебную подпись.

– Сейчас схожу в машину и принесу вам книги, – пообещала я.

– Большое спасибо, они у нас уже есть, – хором сказали женщины.

Потом одна из них добавила:

– У нас не очень хорошая стадия, лечиться долго. Вдруг умрем?

– Дайте нам талисман, – подхватила вторая. – Пожалуйста!

Я опешила.

– Но у меня с собой ничего такого нет, ни игрушек, ни...

– Какую-нибудь вещь, – тихо попросила первая, – на счастье, очень надо!

Дело было летом, ни шарфика, ни перчаток, ни шапочки при мне не было, сумочка осталась в машине, я стояла перед собеседницами в легком платье и босоножках.

– Талисман от вас не даст нам умереть, – прошептала вторая больная. – Точно знаю!

Что было делать? Я вынула из ушей сережки, симпатичных серебряных мопсов, протянула их женщинам и сказала:

– Держите. Это волшебные собачки, они загрызут любую болезнь, которая попытается к вам подкрасться.

– Теперь мы выживем, – прошептала одна из собеседниц.

Другая взяла меня за руку, легко сжала кисть.

– Даша, вы молодец, вы сильная, не испугались рака. А мы трусихи...

Я смотрела, как пациентки клиники, шаркая спадающими тапками, спешат к лифту, и пыталась проглотить горячий, колющий комок, вставший поперек горла. Ох, девочки, я совсем не такая сильная, как вы полагаете! Известие об онкологическом заболевании испугало меня до дрожи в коленях.

А в моем мозгу стала оформляться мысль: может, надо рассказать моим читателям правду? Описать в подробностях, как я шла по далеко не гладкой дороге – от болезни к победе над ней? Сейчас в магазинах много разной научной и популярной литературы, посвященной онкологии, но в основном эти книги написаны врачами и психологами, я же – человек с другой стороны баррикады, из армии тех, кто был болен. Вероятно, мой личный опыт поможет женщинам, которые слышали из уст врачей диагноз: рак молочной железы.

В тот день у меня еще было запланировано интервью. Вечером я пришла в кафе, села за столик и услышала от корреспондента вопрос:

– Ну, и как живется дезертиру с кладбища?

– Простите, кому? – не поняла я.

Журналист весело рассмеялся.

– Хорошее название для моей статьи о вас: «Дезертир с кладбища». Всем известно, что от рака умирают, а вы, значит, дезертир с кладбища. Не каждой так повезет. Ну да и не у любой россиянки есть возможность лечиться за рубежом.

Меня охватило возмущение.

– Молодой человек, я лежала в шестьдесят второй московской больнице, в общей палате. И дезертир – это трус, убегающий с поля боя, а я скорей уж рядовой солдат армии онкологических больных, храбро сражающихся с раком.

Репортер скривился.

– Дарья, умоляю, не надо позы и пафоса. Давайте расска-

жем людям правду. В России все больные обречены, а вот на Западе...

Я встала и пошла к двери, уже решив для себя: да, я расскажу правду – напишу книгу о том, что чувствовала, что переживала во время лечения. Опишу свои страхи, отчаяние, ужас, объясню, как негативные эмоции постепенно уходили, сменялись надеждой на выздоровление, а затем – твердой уверенностью в том, что я вновь встану на ноги. Я вспомню плохих и хороших врачей, разных людей, которые встретились мне в больницах и диспансерах. Я объясню, как жила много лет, принимая большие дозы гормонов, как рыдала, став лысой от химиотерапии, и радовалась, услышав от хирурга слова: «Донцову можно выписывать». Я очень хочу, чтобы люди знали: рак победим. Я не сразу стала сильным борцом, стойким оловянным солдатиком, и я расскажу, как смогла победить свою слабость.

Мы с вами родственники, сестры по болезни, я прекрасно понимаю, что вы испытываете. Может, вам станет легче и спокойнее, когда вы узнаете, что ощущала я. Очень надеюсь, что эта книга поможет женщинам, больным раком груди, и их родственникам.

От всей души, от всего сердца, я желаю заболевшим выздороветь. Нет у меня таких слов, чтобы описать, до какой степени я хочу, чтобы вы поправились. Пусть эта книга станет для вас талисманом, пусть она принесет вам удачу.

Я люблю вас.

Начало длинного пути

Только заболев, понимаешь, как счастливо ты жила, когда была здоровой.

До сорока пяти лет я ощущала себя молодой женщиной, не имела хронических недугов, в больнице оказывалась только для того, чтобы родить ребенка. Я не бегала по врачам, не сдавала анализы. Настроение мне портила лишь мигрень, которая, словно противная родственница, раз в месяц являлась ко мне незваной, нежеланной гостьей. Первый раз приступ головной боли случился со мной лет в тринадцать, и с тех пор мы с ней стали неразлучны. Я пыталась справиться с недугом при помощи разнообразных таблеток, микстур, уколов и народных средств.

Отлично помню, как милая старушка-знахарка из деревни Глебовка, где наша семья снимала на лето дачу, дала мне ценный совет:

– Каждое утро размешивай в стакане свежего, не магазинного молока желток и белок только что снесенного курицей яйца и выпивай залпом.

Меня перекосило от отвращения. Не могу назвать себя капризницей, употребляющей в пищу лишь особые блюда, но существуют продукты, которые я на дух не переношу. Фавориты среди них – молоко и сырые яйца. Вот кефир, йогурт, ряженку, сметану, творог, омлет, яичницу я с удовольствием

ем слопаю и еще попрошу. А на молоко из бидона и на, как говорила моя дочь Маша в детстве, «куриную икру» даже смотреть не могу.

Но местная целительница была крайне убедительна, и я в конце концов подумала: ради избавления от раскаленного штопора, который раз в тридцать дней ввинчивается в висок, надо пересилить себя. Почти целый месяц я давилась чудовищным коктейлем. И что? Не успел «оздоровительный курс» завершиться, как у меня приключился такой приступ, что перепуганная хозяйка снятой нами избы вызвала «Скорую». Врачи приехали на следующие сутки – до Глебовки в начале 90-х прошлого века медицинская помощь добиралась неспешно. Я к тому моменту уже встала с кровати и собирала на огороде огурцы, приняв стратегическое решение: больше мигрень не лечу, я с ней просто живу. Точка.

И вот что интересно! Едва я подумала: «Это не болезнь, а часть моего организма, то есть у меня есть глаза, нос, руки-ноги, сердце, желудок и мигрень», – как нам удалось с недугом договориться.

Раз в месяц я гасила в комнате свет, падала в кровать и забивалась под одеяло, объявив домашним: «Всем пока, вернусь через сутки».

И действительно, спустя двадцать четыре часа я бодрой трусцой спешила на кухню готовить детям и мужу обед. Мигрень меня в течение следующих четырех недель не трогала.

Раньше гадкая «подруга», когда я ее забрасывала таблет-

ками и заливала разными чаями-настоями, постоянно норовила поднять голову. Висок начинало ломить по любому поводу: на улице внезапно поменялась погода, дочка Маша принесла из школы замечание в дневнике, подгорели котлеты, супруг ушел на работу и ни разу за день не позвонил... Теперь, поняв, что мигрень никуда не денется, сутки я нахожусь в ее распоряжении, зато потом тридцать дней она меня не навещает. Мы с ней сиамские близнецы, и нет необходимости хвататься за все пилюли подряд. У нас выстроились паритетные отношения.

Надо отдать должное моим домашним: они не капризничали, не злились, не ломились в спальню, не приставали ко мне с вопросами, воспринимали очередной приступ головной боли как мой отъезд в командировку. В конце концов я поняла, что мне крупно повезло. Все подружки и коллеги постоянно сидели на диетах, ограничивали себя в сладком, отворачивались от хлеба, жареной картошки. А я преспокойно ела, что хотела, потому что распрекрасно знала: за время приступа потеряю три-четыре, а то и пять кило. Куда девался вес? Не спрашивайте, понятия не имею. Но это был замечательный бонус, благодаря головной боли я сохраняла девичью фигуру. Отличное подтверждение известной истины: в любой неприятности можно найти положительную сторону, в плохом непременно отыщется хорошее.

Короче говоря, до своего сорокапятилетия я, здоровая и молодая бывшая советская женщина, воспитывала троих де-

тей, пыталась угодить маме со свекровью, работала репетитором и вела домашнее хозяйство. Самые важные слова в предыдущей фразе – «бывшая советская». В 1997 году от СССР остались одни воспоминания. Но куда деть менталитет? Советские граждане были не приучены ходить к врачу просто так. Лично я считала, что в районную поликлинику следует вползать с температурой как минимум в районе тридцати девяти градусов. Посетить поликлинику для профилактического осмотра? Абсолютный нонсенс!

Нет, можно, конечно, промаяться полдня в очереди, потом сесть около замороченной нескончаемой вереницей пациентов докторши и на ее вопрос: «На что жалуетесь?» – сообщить: «Самочувствие прекрасное, нигде ничего не болит. Но вы дайте мне направление на анализы, хочу проверить свое здоровье».

И что я услышу в ответ? В лучшем случае фразу, мол, некоторым делать нечего, вот они и шляются по кабинетам, отнимают у врачей драгоценное время. Да и у меня самой не было лишних часов, чтобы потратить их на диспансеризацию. Я не могла позволить себе провести пару дней в поликлинике, где к каждому специалисту клубилась прорва народа.

Правда, в 1997 году в Москве уже работали частные клиники, в которых не было очередей. Но мне, жене профессора МГУ, женщине с большой семьей, туда не стоило соваться – у нас с Александром Ивановичем не имелось таких

денег. Нет, мы не были нищими, работали, обеспечивали и себя, и детей, и родителей, но выбрасывать бешеные тысячи на поход к доктору, когда у тебя ничего не болит? Мне это казалось удивительной глупостью. Я приду в лечебницу, расстанусь с очень большой суммой, пробегу по специалистам, услышу диагноз: здорова, как корова, и уйду домой? Спасибо, лучше я куплю Марусеньке зимние сапоги, Диме пальто, маме принесу фруктов, поставлю в квартире свекрови стеклопакеты. А муж, кстати, давно мечтает о приобретении новых книг в библиотеку. В большой семье всегда полно трат. Когда моя пуделиха Черри неожиданно начала кашлять, я моментально поволокла собаку в частную ветеринарную клинику, рассталась с кучей долларов и совершенно не переживала из-за отданных денег. Я вообще никогда не тряслась над сбережениями. Но чтобы самой отправиться по врачам просто так, без причины... Полнейший идиотизм.

А еще я втихаря посмеивалась над Леной, соседкой по лестничной клетке. Вот та постоянно носилась то к кардиологу, то к гастроэнтерологу, то к окулисту. А вечерами заглядывала ко мне, пила чай с домашней выпечкой и ныла:

– Ничегошеньки врачи не понимают. У меня онкология! А они говорят: у вас никаких проблем нет. Куда еще пойти, чтобы правильно поставили диагноз? Думаю, у меня рак желудка, печени, почек и сердца.

Все эти речи Лена произносила, поедая «завитушки», при изготовлении которых я использовала сливочное масло, яй-

ца, молоко и разные специи. Мне постоянно хотелось ей сказать: «Только человек с желудком из хромированной стали способен слопать за один присест двадцать сдобных плюшек. У тебя здоровье, как у молодой лошади, перестань валять дурака».

Но, естественно, ничего подобного я никогда не говорила. Я понимала: Лена одинока, у нее нет ни мужа, ни детей, ни родителей, и она – журналист на договоре, каждый день на службу не ходит. Ей просто некуда деть свободное время.

И вот весной 1997 года я вдруг обнаружила странную вещь – мой весьма скромный от природы бюст неожиданно увеличился на целый размер...

Я никогда не переживала по поводу отсутствия пышных форм и всегда трезво оценивала свою внешность.

Мои бабушка и мама уродились удивительными красавицами. Афанасия Константиновна имела густые, красиво выующиеся, очень темные волосы, огромные ярко-синие глаза, фарфорово-белую кожу. Замуж она вышла по большой страстной любви. Наверное, поэтому ее дочь Тамара, моя мама, получилась еще красивее ее. У Тамары Степановны была копна кудрей невероятного рыже-каштаново-золотого оттенка и глаза зеленого цвета. О грузинских предках моей мамы напоминал медальный профиль. Кроме того, у нее была прекрасная фигура, так называемые «песочные часы» – высокий бюст и талия пятьдесят пять сантиметров. Даже старея, она не теряла своего очарования. Великолепно помню,

как мы с ней приехали на юбилей одного писателя, вошли в ресторан, и все присутствующие мужчины повернулись, разом замолчав и уставившись на нее. Маме тогда было под семьдесят.

Я же удалась в папу. Аркадий Николаевич был замечательным человеком, но вот Аполлоном его никак не назвать. Длинный нос, глубоко посаженные серо-голубые глаза, совершенно прямые светлые волосы, маленький подбородок и не очень крупный рот я получила от него. Иногда мама, глядя на меня, вздыхала и бормотала:

— Дочка полностью уродилась в Васильевых, ничего от Новацких.

Сейчас я понимаю, что вместе с неяркой внешностью мне от отца достался литературный талант, он был очень хорошим писателем. Но в подростковом возрасте я сильно переживала из-за того, что мне не досталось красоты Новацких. Были слезы в ванной, попытки самостоятельно покрасить волосы в темный цвет, я спала, забинтовав туго талию, и, пытаясь казаться выше ростом, подкладывала в туфли толстые стельки. В конце концов годам этак к двадцати пришло понимание: мне никогда не стать похожей на бабушку и маму, следовательно, придется жить с тем лицом и с той фигурой, которые получила от папы. Хорошо хоть мне не достались в наследство его лысина и большой живот.

Вот с чем-чем, а с лишним весом у меня никогда не возникало проблем, я всегда была маленькой, худенькой, похо-

жей на кузнечика. На уроках физкультуры я стояла последней в ряду ребят и бойко кричала, глядя на учителя:

– Тридцать второй. Расчет окончен!

Мои одноклассницы росли, оформлялись в пышных девушек, я же практически не менялась. И на последнем курсе университета спокойно влезала в юбку, которую носила в четвертом классе. Полнела я всего два раза – будучи беременной. Кстати, я не ошиблась, когда писала ранее, что детей у меня трое, Дима – мой приемный сын.

В общем, до 1997 года такая деталь туалета, как лифчик, была мне не особо нужна. И вдруг за один месяц у меня появился внушительный бюст!

Я вспомнила поговорку «Сорок лет бабий век, сорок пять – баба ягодка опять», подумала, что стихийно превращаюсь в сочную курагу, похихикала сама с собой над неожиданной трансформацией и продолжала заниматься привычными делами.

К июню размер груди увеличился до третьего номера. Теперь, укладываясь вечером в кровать, я вертелась с боку на бок, пытаюсь как-то разместить неожиданно полученное богатство. Испытывая неприятные ощущения, думала: «Однако красота доставляет неудобство».

Я люблю спать на животе, но в начале июля мне стало понятно: придется лежать на спине в некомфортной, непривычной позе. Да еще, как назло, кошка Клеопатра стихийно обзавелась новой привычкой – едва я укладывалась под оде-

яло, она неслась в спальню, плюхалась мне на грудь, начинала нажимать на нее лапами и странно урчать. Я выгоняла нахалку в коридор, закрывала дверь, но Клепа принималась душераздирающе выть, вынуждая меня впускать ее назад. И все начиналось заново. В конце концов пришлось научиться дремать на спине под кошачий «массаж». Причем киска впадала в крайнее недовольство, замечая, что хозяйка отбыла в страну Морфея, и трогала меня за нос лапой до тех пор, пока я не открывала глаза. Тогда Клеопатра заглядывала мне в лицо и принималась «говорить». Под бесконечное нервное «мяу-мяу» я все-таки засыпала, на сей раз до утра. Что происходило с кисой, было непонятно, ветеринар успокоил меня сообщением об идеальном здоровье Клепы, и я решила, что у той просто портится характер.

В августе мы с мужем, Александром Ивановичем, и Машей отправились на отдых в Тунис. Поездка планировалась давно, мы ее предвкушали с восторгом, Марусенька считала дни до отлета. И, надо сказать, наши ожидания оправдались целиком и полностью – отличный отель с аквапарком, вкусная еда, солнце и замечательная компания.

С нами вместе на побережье оказались Оксана Степановна Глод с сыном Денисом. Оксана всю жизнь стоит у операционного стола, она хирург, специализируется на удалении щитовидной железы. Моя подруга из той когорты врачей, которые, один раз дав клятву Гиппократу, никогда ей не изменяют, постоянно совершенствуются в своем мастерстве,

не делят больных на богатых и бедных, одинаково заботятся о старушке-пенсииерке и олигархе, чье имя есть в списке «Форбс». Для Оксаны не имеют ни малейшего значения титулы, положение в обществе, уровень известности человека, главное другое: он болен, значит, требует к себе внимания. Наверное, поэтому прооперированные хирургом Глод люди быстро встают на ноги. У Оксаны легкая рука.

На тунисском пляже всегда было многолюдно, и как-то раз мы с Ксюней очутились в одной кабинке для переодевания. Я спокойно скинула мокрый купальник и вдруг услышала вопрос:

– Что это?

Я взглянула на Оксану. На ее лице застыло странное выражение – тревоги, смешанной с печалью.

– Что это? – повторила подруга, указывая на мою левую грудь.

– Бюст! – гордо ответила я. – Представляешь, он неожиданно вырос. Думаю, к Новому году превращусь в настоящую секс-бомбу.

– Надо возвращаться в Москву, – пробормотала Оксана, – желательно побыстрее. Похоже, у тебя... э... мастопатия. Необходимо сделать анализы.

Сейчас я понимаю, что Ксюня моментально, едва бросив взгляд на мою грудь, поставила правильный диагноз. Ей, хирургу с огромным опытом, не стоило труда определить масштаб проблемы. Меня должно было насторожить лицо Ксю-

ни, оно словно заledenело, слегка вытянулось. Никогда, ни раньше, ни потом, я не видела у нее такого выражения. Но вокруг шумел пляж, Машка и Дениска прыгали около кабинки с воплями:

– Хотим мороженое... блинчики... покататься на катере...

Я быстро вошла в сухой купальник и сказала:

– А, ерунда! Мастопатия подождет. Я не намерена из-за пустяка портить мужу и ребенку долгожданный отпуск. Что случится за неделю? Сделай одолжение, ничего не говори Александру Ивановичу.

Оксана нахмурилась, но кивнула.

Отдохнули мы великолепно. К врачу я, несмотря на бесконечные напоминания подруги, обратилась в середине сентября. Надо было отправить Машу в школу, у Александра Ивановича, профессора МГУ, тоже начинался учебный год, маме потребовались очки, свекровь жаловалась на больную печень. Короче, большие и малые домашние проблемы сыпались водопадом. И вот однажды я проснулась от неприятного ощущения липкости, села на кровати и увидела на простыне, на том месте, где лежала моя грудь, темно-коричневые пятна.

Делать нечего, пришлось-таки пойти к врачу. Я пришла в обычную поликлинику, села в очередь, терпеливо промаялась почти два часа, попала в кабинет и заявила доктору:

– У меня мастопатия. Выпишите что-нибудь!

Женщина в белом халате тяжело вздохнула.

– Раздевайтесь...

Когда я скинула лифчик, пожилая медсестра, сидевшая за маленьким столиком, воскликнула:

– Мать божья!

Потом она вскочила и со словами: «Ах ты, господи, совсем забыла про шприцы», – убежала из комнаты.

Врач начала бубнить:

– Вам необходимо посетить узкого специалиста.

– Зачем? – удивилась я. – Разве терапевт не может выписать что-то от мастопатии? Ну, например, сбор трав. Или на худой конец таблетки, уколы. Может, мне походить на физиотерапию? УВЧ, например. В детстве оно помогало мне от ангины.

Доктор молча написала на листке несколько строк.

– Здесь адрес. Езжайте срочно. Я вам не помогу.

Мне стало обидно.

– Я так долго сидела в очереди! Неужели трудно посоветовать какое-нибудь лекарство?

– Это не в моей компетенции, – отрезала терапевт, – я направляю вас к хирургу-онкологу. Он хороший специалист, профессор.

Я насторожилась.

– Мастопатию надо оперировать?

– Похоже, у вас киста, – фальшиво бодрым голосом заявила врач. – Главное, не затягивать время, иначе...

Не договорив, она замолчала и принялась перебирать на столе истории болезни.

– Иначе что? – спросила я.

– Запустите болезнь, будет сложнее лечиться, – чуть тише ответила терапевт.

Я вернулась домой, злая до невозможности. Думаете, меня испугало направление к онкологу? Как бы не так! Мне даже в голову не приходило, что речь идет о раке. В нашей семье никогда ни у кого не было онкологических заболеваний. Бабушка Афанасия Константиновна скончалась в возрасте ста трех лет, будучи, как это ни странно звучит, абсолютно здоровым человеком. Ну да, у нее началась болезнь Альцгеймера, бабуля превратилась в ребенка, но ушла она в иной мир, ни разу не попав в стационар. Моя мать тоже не жаловалась на здоровье. Вот у папы было несколько инсультов подряд. Но рак?! Его в моей генетике не имелось.

Я подумала, что противная тетка-терапевт просто придерживается инструкции, которая предписывает всех женщин с кистой отправлять к онкологу, и решила ничего не сообщать мужу. У Александра Ивановича был сложный период на работе, не хотелось волновать его по пустякам. Но я решила все-таки сходить к специалисту-профессору – спать стало почти невозможно, хоть получу от него совет.

К медицинскому светилу я попала через пару недель – сами понимаете, консультацию врача подобного ранга всегда хочет получить большое количество народа.

Доктор внимательно осмотрел меня, потом воскликнул:

– Ну и ну! Вы, наверное, из глухой провинции? Там нет ни больниц, ни медицинского обслуживания?

– Родилась и живу в Москве, – возразила я.

– Тогда каким образом вам удалось так запустить болезнь? – продолжал хирург. – Рак молочной железы. Полагаю, с метастазами в легкие, может, в печень и позвоночник.

Я оторопела.

– Вы уверены? И что мне теперь делать?

Эскулап пожал плечами.

– На четвертой стадии? Продолжайте жить, как жили.

Меня охватила радость.

– Я обойдусь без операции?

– Да, – хмыкнул хирург, – она вам не поможет.

– Выпишите какие-нибудь таблетки, – попросила я. – А то грудь болит, спать неудобно. И замучилась стирать постельное белье, каждое утро просыпаюсь в луже крови.

Профессор снял очки и положил их на стол.

– Агриппина Аркадьевна, вы не поняли? У вас рак. Запущенная стадия. Хирургическое вмешательство бесполезно. Оно лишь принесет вам страдания, проведете последние дни не дома, а в клинике.

– Чьи последние дни? – переспросила я.

– Ваши, – без особых эмоций сообщил он. – Трудно дать точный прогноз, может, протянете около года, но, скорее всего, три-четыре месяца.

Теперь, спустя много лет после визита к тому светиле, я великолепно знаю, что среди врачей встречаются порой трусливые, злые, а подчас и откровенно подлые люди. Есть среди них такие, как терапевт из районной поликлиники. Она поняла, что у пациентки онкологическое заболевание, но не решилась сказать правду вслух. Некоторые врачи опасаются истерики в кабинете, не желают успокаивать испуганного человека, поэтому говорят про кисту и выпроваживают больного к онкологу. Но это не самый плохой вариант. Есть и такие эскулапы, у которых в голове работает счетчик, они намерены получить как можно больше денег и принимаются обрабатывать подходящего на их взгляд больного с особым тщанием. Сначала пациента запугивают по полной программе, внушают ему мысль о неизлечимости, потом слегка отъезжают назад, предлагают операцию и предупреждают:

– Ваш случай практически безнадежный, никто не разрешит оперировать умирающего. Но я полагаю, что все же есть крохотный шанс. Им надо воспользоваться. Только надо заплатить...

Вот и тому профессору я показалась идеальным объектом для шантажа. Побеседовав со мной пять минут, хирург сразу сообразил: тетка с тремя детьми разбирается в медицине, как кролик в боевом оружии, и поехал на меня танком.

Я смотрела, как он открывает и закрывает рот, не слышала ни единого звука и пыталась справиться с ураганом мыслей. Я умру? Мне осталось жить три месяца? Этого просто не мо-

жет быть! Я молодая женщина, абсолютно здоровая, только вот грудь болит... У меня киста! Какая онкология? Что он несет? Нет, нет и нет! Неправда!

Внезапно голос врача врезался в уши:

– Однако, если хотите, можем попробовать, пожалуй, я возьму вас к себе в отделение.

Я перевела дух. Значит, он наговорил ерунды про мою скорую кончину и готов лечить мою кисту.

– Но, как понимаете, наша больница не частная, народ месяцами ждет койки, – продолжал профессор, – а у вас времени нет, надо будет договориться с главврачом, выбить место. И я не один стою у стола в операционной, рядом ассистенты, анестезиолог, медсестры. Необходимо учесть и последующий уход. Очень часто случается так: вмешательство прошло удачно, а в реанимации на больного наплевали, и он умер.

– Сколько надо денег? – пролепетала я, до меня наконец дошло, куда клонит собеседник.

Светило деловито озвучил прейскурант. С каждой произносимой им цифрой меня прибавало к земле. Да, мы с Александром Ивановичем не нищие, но таких накоплений никогда не имели. Чтобы оплатить услуги алчного профессора и всей его команды придется продать квартиру.

– Вы, конечно, подумайте, но не долго, в вашем случае важен каждый час, – завершил речь профессор. – Приходите завтра с готовым решением и помните: жизнь у вас одна, за

нее надо бороться.

– Если сделать операцию, сколько я потом проживу? – робко спросила я.

Профессору вопрос не понравился.

– Агриппина Аркадьевна, не о том думаете. Вам осталось три месяца, а затем, увы, – совсем не спокойная смерть. К сожалению, конечная стадия онкологического заболевания связана с физическими страданиями. Я предоставляю вам уникальный шанс. Хотя, конечно, слово за вами. Вероятно, вы не пожелаете тратиться. Может, оно и правильно. Деньги вашей семье еще понадобятся.

Хорошо, что он замолчал, а не уточнил: «Понадобятся на ваши похороны и поминки».

Я на ватных ногах выползла из его кабинета и вышла на улицу. Стоял жаркий, даже душный сентябрь, но меня трясло, словно мокрую мышь, попавшую в электропровода. Кое-как я добрела до лавочки, плюхнулась на нее, закрыла глаза и постаралась прийти в себя. Но чем дольше я сидела на скамеечке у корпуса, тем хуже становилось на душе. В голову лезли вопросы. Если я умру, что будет с моими детьми? Ладно, сыновья почти взрослые, хотя, согласитесь, неплохо и в пятьдесят лет иметь маму. Но Машенька-то совсем маленькая, дочке едва исполнилось одиннадцать. Как муж справится с бытом? Александр Иванович замечательный человек, но он уверен, что суп и котлеты сами прибегают в холодильник, а грязные рубашки волшебным образом превращаются в чи-

стые. А свекровь? А моя мама? Собака, кошка, котятка? Кто будет убирать в квартире? К кому вечером придет Марусенька, чтобы рассказать о своих неприятностях?

В мозгу почему-то крутились исключительно простые, связанные с бытом мысли. Дима очень любит пироги с капустой. Кто их ему испечет? У пуделихи Черри артрит, ей необходимо каждый день делать укол. Кому можно это доверить? Александр Иванович часто приходит домой крайне усталым. Кто его выслушает, кто подаст ему ужин?

Наша семья похожа на детскую игрушку-пирамидку: палочка, а на нее нанизаны колечки. Если убрать стержень, диски разлетятся в разные стороны. И эта сердцевина – я. Если меня не станет, то Александр Иванович будет вдовцом, дети сиротами, а бабушки... Я люблю свою маму и свекровь, но характер у обеих отнюдь не мед. Кому понравится ухаживать за вздорными старушками? Одна из них обожает устраивать истерики, а вторая способна замучить своими бесконечными замечаниями. И как долго зрелый здоровый мужчина проживет без жены? После моей кончины Александр Иванович непременно женится. У детей появится мачеха! Чужая тетка переделает мою квартиру, будет наказывать Марусю, выгонит Черри, Клеопатру и уж точно не станет помогать моей маме. А я не смогу никого защитить, потому что буду лежать в могиле. А мои новые занавески? Их снимут и выкинут на помойку!

Понимаю, что, прочитав последние две фразы, большин-

ство читателей пожмет плечами и подумает: «Донцова совсем идиотка. Ей сообщили о скорой смерти, а она сожалеет о шторах». Но я обещала предельно честно рассказать о том, что испытала, услышав об онкологическом диагнозе, и выполняю свое обещание. Поэтому и говорю: да, в голову пришла мысль о гардинах. Хотя любая хозяйка поймет меня, ведь поменять занавески на окнах (а их в нашей квартире было шесть) нелегкая задача.

Всю весну я подыскивала ткань, потом пару недель сидела за швейной машинкой, а когда повесила свое произведение, то слышала массу критики. Ни дети, ни муж не пришли в восторг от сильно наборенных портьер.

– В комнатах стало темно, – пожаловалась Маша.

И, положив руку на сердце, скажу, что девочка права. Но мне так понравился результат моего труда! И что, после моей смерти чужие руки все снимут?

Я вскочила со скамейки и ринулась к автобусу. Нельзя, чтобы в нашу семью вошла посторонняя тетка, но и оставить дом без женского присмотра невозможно. Значит, я, до того как умру, должна найти человека, которому могу доверять, как себе. И в моем окружении есть женщины, подходящие по всем параметрам на роль хозяйки семьи Донцовых. Оксана Глод и Маша Трубина. Две мои ближайшие подруги.

С Машей я познакомилась в прямом смысле слова в песочнице – нам тогда едва исполнилось по шесть лет. Потом мы оказались в одном классе и уже никогда не расставались.

Маша буквально стала моей сестрой, пусть и не по крови. Она умеет не только дать хороший совет на словах, но и помочь делом. Образно говоря, Маша не станет распространяться, как полезен куриный бульон заболевшему человеку, просто сварит его, накормит недужного, а потом помоеет посуду. Мы с Трубиной никогда не говорим друг другу высоких фраз о том, насколько ценим наши отношения. Просто знаем: в любой ситуации я могу рассчитывать на нее, а она на меня. Но Маня счастлива с Сережей Когтевым, у них есть сын Кирилл, ближайший друг моей дочери. А вот Оксана незамужем. Честно говоря, я не понимаю, куда смотрят холостые мужчины. Ну почему совершенно неконфликтная, веселая Оксана не востребована как жена? Она потрясающая хозяйка, готовит волшебные блюда, легка на подъем, не зудит, не брюзжит, умна и симпатична внешне.

Я тряслась в автобусе, вытирала рукавом кофты безостановочно льющиеся слезы и понимала, что одной проблемой у меня стало меньше. Оксанка! Вот кто заменит меня! У нее живут три собаки, она никогда не обидит Черри с Клеопатрой. Дениска Глод близкий друг моей Маруськи, хотя и немного старше ее, разница в возрасте совершенно ребятам не мешает. Александр Иванович прекрасно относится к Ксюше, а та никогда не сядет ему на шею, не заставит себя содержать, поскольку сама отлично зарабатывает...

Путь от остановки до квартиры Оксаны я преодолела бегом и вместо того, чтобы нажать на звонок, начала колотить

в дверь ногами.

Подруга, открыв дверь и увидев на пороге меня, перемазанную тушью, губной помадой и соплями, страшно перепугалась и выкрикнула:

– Что? Что случилось? Маша? Саша?

Я села на пол, обняла стаффордширскую терьериху Рейчел и двух скотчтерьеров, Бетти и Пешу, а потом мрачно заявила:

– Ты обязана прямо сейчас выйти замуж за Александра Ивановича. Я хочу сама присутствовать на вашей свадьбе.

У Оксаны нет образования психолога, но, стоя каждый день у операционного стола, а потом выхаживая больных, она стала классным психотерапевтом.

– Конечно, конечно, – закивала она, вытаскивая меня из стаи собак. – Пошли на кухню, там и поболтаем.

Выслушав мой рассказ, Ксюша разозлилась до жути. Вскоčila, уронила на пол хорошенькую чашечку, украшенную изображением скотчтерьера, и заорала:

– Да этот профессор идиот! Гиббон! Помесь кретина с крысой! Разве так диагноз ставят? Бросил беглый взгляд и все понял? Урод!

В моей душе забрезжила надежда:

– А что, он мог ошибиться?

Оксана всплеснула руками:

– Господи, сто раз! Сначала делают всякие анализы, берут пункцию. Метастазы в легких, в позвоночнике... Да у него

вместо мозга дерьмо!

Потом подруга неожиданно заплакала, и я испугалась:

– Вот видишь, со мной все так плохо, что и у тебя слезы потекли.

– Иди на фиг, ты всех переживешь, – простонала Оксанка. – Мне чашку жалко с собачками, ее Дениска из Питера привез. Где я теперь такую куплю?

Неожиданно с моей души свалилась бетонная плита. Если Ксюня убивается из-за разбитой чашки, значит, мне совсем не так уж и худо. Не похоже это на Оксану – лить слезы над черепками, если к ней приехала лучшая подруга, стоящая двумя ногами в могиле.

Ксюша напоила меня чаем, накормила до отвала вкусным ужином, потом Дениска отправился провожать меня домой. Я было сказала:

– Уже поздно, незачем мальчику туда-сюда мотаться.

Но Деня живо ответил:

– Я забыл у Машки книгу, учебник нужен позарез.

Когда мы с Дениской вошли в квартиру, Александр Иванович уже все знал – естественно, Оксанка успела ему позвонить.

Мой муж очень хороший, но излишне добрый и мягкий человек. Маленький пример. Я подхожу к нему и говорю:

– Ты должен сурово поговорить с Димой, он прогулял школу!

Александр Иванович кивает:

– Конечно, ты абсолютно права. Но я спешу на работу!
И быстренько убегает на свой факультет психологии.

Только не подумайте, что академик Донцов плохой отец. Наоборот, дети у него всегда на первом месте. Когда они были школьниками, каждый выходной Александр Иванович водил их в театр, консерваторию, музей. Муж активно пишет учебники и научные книги. Квартира у нас тогда была трехкомнатная, но мы перегородили самую большую и получили четвертую, семиметровую спальню. Если учесть, что семья состоит из пяти человек плюс собаки-кошки, это не так уж много. Большую часть жизни Александр Иванович работал за столом, который стоял в общей гостиной. Но он никогда не протестовал против оравы приятелей Маши, которые галопом скакали мимо него, склонившегося над очередной рукописью. Почитать ребенку на ночь сказку, почесать ему спинку, привезти из загранкомандировки чемодан платьев, рубашек и обуви для ребят и забыть купить что-нибудь себе – все это мой муж. Но ругать отпрысков он категорически не хотел. Карательные функции были целиком и полностью возложены на меня. Равно как и хозяйственные хлопоты. У нас была классическая семья – мужчина зарабатывает, женщина решает бытовые вопросы. И я отлично понимала: если супруг будет готовить обед, стирать белье и таскаться по магазинам, он карьеры не сделает, не реализуется как ученый. Все семейные проблемы, большие и малые: куда поехать отдохнуть, кому и что купить, к каким врачам ходить, как ис-

коренить двойки детей, убажить старушек-мам, растянуть деньги от аванса до получки – я привыкла решать сама.

И вдруг, увидев меня в прихожей, муж сказал:

– Завтра утром поедem к врачу. Я уже договорился, нас ждут.

От удивления я уронила домашние тапочки, а Александр Иванович продолжал:

– У матери одной моей коллеги по кафедре была та же проблема со здоровьем, что и у нас. Ей помог опытный доктор, он работает в военном госпитале, замечательный, талантливый хирург. Ехать недолго, клиника неподалеку.

Мне оставалось лишь моргать в ответ. За короткое время, пока я добиралась от Оксаны домой, муж успел обзвонить кучу народа и решить проблему с лечащим врачом. Ох, похоже, я на самом деле умираю... Никогда раньше Александр Иванович не демонстрировал такой стремительности действий, он всегда долго раздумывал, прежде чем принять решение. А тут – просто молния.

Доктор, некогда весьма удачно прооперировавший мать коллеги Александра Ивановича, оказался приятным человеком. В отличие от запугавшего меня профессора, он не стал бросаться словами «запущенная болезнь, тяжелая стадия». Нет, он произнес:

– Вам нужно пройти обследование. Сделаем завтра пункцию.

К сожалению, медики не любят растолковывать пациентам суть предстоящих процедур. А может, онколог считал, я прекрасно знаю, что за зверь такой пункция? Но я услышала это слово впервые и перепугалась до трясучки.

Обратную дорогу до дома, весь день, вечер и ночь в моей голове толпились вопросы. Что такое пункция? Меня будут пунктировать? Как? Чем? Вероятно, существует некий медицинский инструмент под названием пункцир. Он, скорее всего, металлический, острый, и будет больно. Компьютера у нас тогда дома не было, об Интернете я имела весьма расплывчатое представление. Хотя, может, это и к лучшему. К сожалению, во Всемирной паутине можно найти очень много глупостей, в частности – связанных с онкологией. Но почему я не позвонила Оксане? Не обратилась к Маше Трубиной? Папа Мани, Вильям Ефимович Гиллер, замечательный хирург, долгие годы работал главврачом ведомственной поликлиники Литфонда, Машка с детства знала множество медицинских терминов. Нет у меня достойного ответа на эти вопросы. Наверное, я временно помешалась, а потому просто тихо лежала в кровати, обмирая от страха.

Утром в больнице меня встретила ярко накрашенная женщина лет сорока. Очень уверенным, звонким голосом она сообщила, что хирург, который будет меня оперировать, крайне занят. У него огромное количество пациентов, он весь в делах, ему некогда даже передохнуть, поэтому до того, как я улягусь на операционный стол, я его не увижу.

– Меня зовут Ольга Ивановна, и пока я буду вас лечить, – представилась дама. Затем, воскликнув: – Пошли! – понеслась по коридору.

Я потащилась за ней, очень надеясь не упасть в обморок от вселенского ужаса, охватившего меня.

В одном кабинете, похожем на процедурную, мне велели сесть на жесткую табуретку и раздеться по пояс. Потом Ольга Ивановна скомандовала:

– Отвернулись. Вдохнули. Задержали дыхание. Выдохнули.

Через минуту она буднично произнесла:

– Результат завтра.

– Результат чего? – прошептала я.

– Пункции! – гаркнула дама.

– А когда ее начнут делать? – вцепившись онемевшими пальцами в ледяное сиденье табуретки, осведомилась я.

– Уже готова! – сообщила Ольга Ивановна и показала мне... обычный шприц.

Странная, ужасная, кошмарная пункция, которой я ожидала, почти лишившись сознания, оказалась обычным, совершенно безболезненным уколом. Я зря потратила кучу нервов.

Спустя некоторое время стало известно, что взятая проба содержит злокачественные клетки. Я приехала к Ольге Ивановне и получила направление для прохождения лучевой терапии.

Диагноз поставлен, ни малейших сомнений в том, что у пациентки Донцовой рак молочной железы, уже не было. Начался новый этап жизни под названием «лучевая терапия». Но прежде чем рассказать о лечении, мне, завершая часть книги, посвященную тому, что чувствует человек, услышав от врача: «У вас онкологическое заболевание», хочется дать людям – тем, у кого обнаружилось таковое, а также их родственникам – несколько советов.

Пожалуйста, помните, диагноз не ставится на основании простого осмотра. Да, хорошему онкологу, как правило, сразу видно, что с вами стряслось. Но словами: «У вас рак в запущенной стадии» он бросаться не станет. Сначала вам проведут обследование, сделают анализы и лишь потом вынесут вердикт. Настоящий доктор не станет убивать пациента сообщением о неизлечимости заболевания и даже в самом запущенном случае будет морально поддерживать его. Хороший онколог, как правило, прекрасный психолог.

Не повторяйте моей ошибки, не ходите на прием в одиночестве, желая сберечь нервную систему своих родственников, непременно возьмите с собой кого-нибудь. Маленькое условие: ваш спутник должен быть спокойным, умным, трезвомыслящим человеком. Пусть это будет взрослый сын, муж, коллега по работе, соседка, подруга – одним словом, кто-то, кому вы доверяете и кто после того, как вы в ужасе выйдете из кабинета, скажет вам: «Спокойно. Не следует впадать в панику. Мне не нравится, что тебя сразу, с порога,

запугали. Давай поищем другого врача, выслушаем его мнение».

Где найти этого самого другого, хорошего доктора? Поговорите с приятельницами, побродите в Интернете, зайдите на сайты, где люди рассказывают о врачах, с которыми имели дело. Честных, замечательных специалистов в России очень много, их большинство. И не все они находятся в Москве, Питере, Владивостоке и других крупных городах. Если вы живете в небольшом местечке, то, вполне вероятно, найдете прекрасного хирурга в районной или областной клинике. Кто ищет, тот всегда найдет. Подыскивайте себе не комфортабельную палату, мраморные полы и безупречное постельное белье, а человека, которому можете доверить свою жизнь.

Не ждите, что доктор будет вам улыбаться, сыпать комплиментами и делать «козу» со словами: «Ути-пути, кто к нам такой хорошенький пришел».

Хирурги, как правило, немногословны, они совсем не говоруны. Но вам и не нужен за операционным столом шоумен.

И еще. Не гонитесь за теми, кто имеет научные звания: кандидат или доктор наук, академик. Конечно, все эти регалии весьма почетны, но подчас академик, давно ставший умелым административным работником, берется за скальпель раз в месяц, а какой-нибудь неостепененный Иван Иванович делает по три операции в сутки и великолепно на-

бил руку. Выбирая хирурга, постарайтесь узнать, как часто он работает. Оперирует ежедневно или пару дней в году. С какой регулярностью у него случаются неудачи? Какова его специализация? Моя подруга Оксана, например, виртуозно справляется с удалением щитовидной железы. Вероятно, имея хорошее базовое образование, она способна произвести радикальную мастэктомию, но не станет этого делать. Как говорится, сапоги должен шить сапожник. Не стесняйтесь узнать, где учился врач, в каких клиниках работал, почему менял службу, повышает ли свой профессиональный уровень. Очень часто в кабинетах на стенах висят всякие дипломы и свидетельства. Больницы гордятся хорошими врачами и об их успехах непременно расскажут на своем сайте.

Допустим, вы нашли подходящего специалиста и пришли к нему на прием. Обратите внимание, как он с вами беседует, как осматривает, как выглядит сам. Если от него пахнет алкоголем, он неопрятен, грубо шутит, лучше не иметь с ним дела. В идеале, у вас к концу визита должно наступить облегчение и успокоение. Даже если у пациента тяжелая болезнь, настоящий врач сумеет внушить больному веру в себя, вы почувствуете, что он хочет и может вам помочь. Поверьте, найти хирурга, который поставит вас на ноги, вполне реально. Главное, не отчаиваться, не говорить себе: «Ну, конечно, разве у меня есть деньги на лечение? Выздоровливают лишь богатые и знаменитые, о нас, простых людях, медики не думают».

Это неправда. Меня лечили в обычной московской больнице. Тогда Груня Донцова не была известным литератором. Писать книги я начала уже после операции. Просто мне повезло отыскать настоящего врача, доктора с большой буквы. Правда, не сразу.

А теперь можно мне дать совет родственникам тех, кто только что узнал о тяжелом диагнозе? Я понимаю, что вам, вероятно, хочется зарыдать-запричитывать и от всей души пожалеть близкого человека. Пожалуйста, постарайтесь удержаться от истерики. Или, по крайней мере, запретите себе лить слезы в присутствии той, кому вынесли вердикт: рак молочной железы. Дайте ей понять: болезнь надо лечить, а вы поможете, окажете поддержку. Но ни в коем случае не укутывайте больную в вату, не говорите постоянно: «Солнышко, ты ужасно больна, не чисти картошку, не приближайся к плите, без тебя справимся».

Верю, вы хотите сделать как лучше, но только испугаете женщину. Наоборот, посоветуйте ей не бросать работу, оставьте ей домашние обязанности. Надеюсь, вы догадываетесь, что я веду речь не о тех работницах, которые укладывают шпалы, и не предлагаю гнать больную на рынок за мешком картошки? Сидеть в офисе, преподавать в школе или институте, вести бухгалтерию, варить суп, делать котлеты, печь эклеры – все это можно спокойно совмещать с лечением.

Не следует регулярно напоминать:

«Дорогая, ты смертельно больна! Ляг спать в девять вече-

ра и не вставай раньше одиннадцати дня».

Если будете проявлять усиленную заботу, то ваша жена, мама, сестра сразу подумает: «Я точно умираю. Иначе по какой причине с меня сдувают пылинки?» Знаю я одну девушку, она, перепуганная насмерть поставленным матери диагнозом, каждый день с тревогой ее спрашивала:

– Мамусечка, как самочувствие? Тебе не стало хуже? Ты уверена, что тебе не хуже? Нет, ты точно уверена? Пожалуйста, не скрывай от меня правду, я уже взрослая и готова к любому известию, даже самому ужасному. Не щади меня, скажи правду!

Бедная мать, вместо того чтобы спокойно лечиться, постоянно успокаивала доченьку. После того, как она благополучно выздоровела, дочурка слегка успокоилась, но все равно нет-нет да и подходит к матушке все с тем же набившим оскомину вопросом.

Могу я вспомнить тут и одного, прямо скажем, не самого верного мужа, который, узнав о диагнозе жены, стал испытывать муки совести. Каждый день ловелас обнимал супругу и проникновенно произносил:

– Милая, я люблю тебя больше всех на свете!

Учитывая то, что она была отлично осведомлена о его «хобби», знала о его привычке заглядывать под чужие юбки, фраза звучала двусмысленно и очень пугала бедняжку. В ее голове прочно укоренилась мысль: «Раз неутомимый бабник, ранее не демонстрировавший особой страсти ко

мне, теперь соловьем заливается о глубоких чувствах, значит, недолго мне жить осталось».

Больной человек очень мнителен. Он подозревает, что его обманывают, не рассказывают правды, думает о скорой смерти, но, с другой стороны, хочет, чтобы его разуверили в этом, сказали: «Все будет хорошо», пообещали полное выздоровление.

Лично я сканировала почти каждую фразу, услышанную от мужа и детей. Вот мы сидим у телевизора, и Александр Иванович говорит, показывая на экран:

– Смотрите, отель на Мальдивах. Стоит прямо в океане, в номерах стеклянные полы, сквозь них видно рыб. Давайте поедем туда летом!

– Да! – радостно кричат дети.

А как реагирую я? Первая мысль: ага, значит, муж уверен, что я не умру. Он небось поговорил с врачом, тот сообщил ему хороший прогноз, и Александр Иванович теперь планирует отпуск. Вторая мысль: поездка на Мальдивы всей семьей нам, вообще-то, не по карману. Муж готов взять денег в долг и отправиться в далекое путешествие лишь по одной причине – доктор предупредил его о том, что я скончаюсь осенью. Веселые каникулы на островах – это прощальный его подарок.

Слезы льются из глаз, я вскакиваю и убегаю в ванную. Муж в растерянности, дети в шоке.

Следующие десять минут я рыдаю над раковиной, потом

умываюсь холодной водой и провожу сама с собой сеанс психотерапии. Мой муж ничего не имел в виду, он просто так сказал про Мальдивы. Если б телик демонстрировал виды Парижа, муж мог произнести: «Давайте летом посетим столицу Франции». И вообще, если я отброшу тапки будущей осенью, то у меня еще есть много времени в запасе. Сейчас ноябрь, речь ведь идет не о том, что я окажусь на кладбище через десять минут.

Стараясь выглядеть беззаботной, я выплываю из ванной. Супруг и дети усиленно делают вид, будто ничего не случилось. Мы продолжаем ужинать, и вдруг Манюня произносит:

– Хочу мороженого. А ты, мам?

– С удовольствием, – соглашаюсь я.

Александр Иванович лезет в холодильник, достает одно эскимо и разочарованно констатирует:

– Больше нет.

– Пусть мамуля съест, – тут же говорит Машка, – чего-то расхотелось мне пломбира, лучше попью чаю с конфетами.

Я застываю на стуле. Первая мысль: дочка стала почти взрослой, еще летом она бы ни за что не отдала мне любимое лакомство. Вторая мысль: она знает, что я одной ногой в могиле, поэтому изо всех сил старается угодить мне. Вон, даже от мороженого отказывается.

Слезы текут по лицу, я вскакиваю и убегаю. Дети в шоке, муж в растерянности. Я рыдаю в ванной.

И так по несколько раз в день.

Поверьте, сейчас мне очень стыдно за свое поведение. Но из песни слов не выкинуть. Совсем не сразу я стала сильной и принялась сама активно бороться за свою жизнь. Вначале было все: отчаяние, истерики, бесконечная жалость к себе, чувство вины перед семьей и уверенность в неминуемой скорой кончине.

Если хотите помочь больному родственнику, не ругайте его за неадекватное поведение, не жалейте безудержно, а сделайте так, чтобы у человека осталось поменьше времени на глупые мысли. Жена больна? Приглашайте почаще гостей, сами ходите к приятелям. Вспомните про театры-музеи. Вы вообще когда-нибудь, будучи москвичом или питерцем, посещали Третьяковку, досконально изучили Эрмитаж? Значит, в выходной день вместе с супругой и детьми – в культпоход. Или на пикник, если живете в таком городе, где нет достопримечательностей. Стоп! В вашем местечке нет, а вот по соседству, в двадцати километрах от него, есть, например, красивая церковь. Что вам мешает отправиться туда? Подумайте, о чем мечтала ваша жена в юности. Ну, навряд ли она хотела стать кондуктором в автобусе, пошла на эту работу не по зову сердца. Не знаете о мыслях супруги? Самое время спросить и купить ей мольберт, швейную машинку или... ну, не знаю что.

Со мной вместе в больнице лежала Ася, которая в школьные годы задумывалась о карьере киноактрисы. Но на экран она не попала – рано вышла замуж, родила детей. Когда

Асеньке поставили онкологический диагноз, супруг решил во что бы то ни стало доставить ей положительные эмоции. Он назанимал денег, поехал на местное телевидение и заплатил за участие супруги в шоу, которое устраивало районное «Останкино», – в каком-то проекте вроде «Лучшая мама нашего городка». Съёмки шли месяц, Асенька пела, плясала, читала стихи, демонстрировала ум и сообразительность. В конкурсе она не победила, но почувствовала себя звездой. И все время говорила нам, соседкам по палате:

– Вот выздоровлю и непременно пойду работать на телевидение. Пусть даже уборщицей! Ничего, главное зацепиться, потом точно стану ведущей новостей.

И ведь ушла Ася из клиники, как говорится, на своих ногах.

Могу привести пример одной матери, патологической чистюли, которая никогда не позволяла дочери завести домашнее животное, аргументируя свое нежелание словами:

– От собак-кошек одна грязь. Шерсть по всей квартире мотаться будет, мебель они когтями испортят, всех глистами заразят.

Представьте, как было трудно этой женщине принести в дом двух крохотных щенят и отдать их дочке, проходящей лучевую терапию, со словами:

– Вот, на улице нашла, пожалела. Но ухаживать за ними не могу. Хочешь – воспитывай. Не желаешь, я их тете Кате отдам.

Собачата выросли, превратились в здоровенных псов, мама их полюбила, а девочка давно забыла о болезни.

Я знаю о старушке, для которой ее дед собственными руками соорудил какую-то чудо-теплицу, и она начала разводить диковинные цветы. Она, оказывается, полжизни хотела выращивать орхидеи, а приходилось сажать помидоры-огурцы на продажу. Возможность заняться любимым делом она обрела, лишь заболев раком, но те самые орхидеи помогли ей не нервничать в процессе лечения.

Не ждите от меня однозначного совета, не могу сказать вам:

– Так. Купите своей жене пластилин, она станет лепить фигурки и отвлечется от плохих мыслей.

Вам придется самим найти нужную струну. Как? Ну, тут я вам не помощница. Но ведь не особо образованный старик догадался построить оранжерею для жены! Чем вы его хуже? Если на самом деле любите своего больного, то непременно нащупаете правильный путь. Главное, отвлечь человека, строить с ним вместе долгосрочные планы. Очень приветствуются фразы вроде:

– Дочка-то совсем большая стала, не ровен час замуж выскочит. Имей в виду, я с внуками сидеть не готов, тебе придется с детьми нянчиться, а потом в школу их водить.

По себе знаю, такой пассаж очень успокаивает. Начинаешь думать: «Ага, девочке-то еще надо аттестат получить. Ее дети пойдут в первый класс лет эдак через пятнадцать.

Сколько мне тогда стукнет? Шестьдесят? Ну, еще не вечер».

Больному человеку очень тяжело, но не легче и тому, кто его любит. Вам потребуется много сил, чтобы помочь жене, маме, дочери преодолеть первый этап борьбы с заболеванием.

И, пожалуйста, бросайте курить.

Я не принадлежу к числу людей, которые, агрессивно борясь за здоровый образ жизни, подвергают остракизму тех, кто не может существовать без сигареты или трубки. Но давно доказано, что табачный дым вреден для людей с онкологией. Прекрасно, если сам больной не балуется сигаретами, но пассивное курение тоже крайне опасно, оно ускоряет развитие болезни. Если у вас не получается справиться с вредной привычкой, то хотя бы не дымите в квартире, выходите на улицу или попробуйте электронную сигарету, она напоминает настоящую, но совершенно безвредна.

Лучевая терапия

Никто из врачей и не подумал объяснить мне, что такое лучевая терапия. Я сидела на небольшом диванчике, сжимая в руках направление, а в голове клубились вопросы. Что со мной будут делать? Зачем? Это больно? Лучи обжигают? Как долго надо находиться в кабинете? Каков должен быть результат? Облучение вроде не очень хорошая вещь, оно вредное...

Рядом не оказалось никого, ни больных, ни персонала. Я стала озираться и увидела на стене плакат «Лучевая терапия». Ах, какая хорошая идея сделать тут стенд с разъяснениями! Я встала и начала читать: «Лучевая терапия – это метод лучевой терапии, который позволяет лечить опухоли, а также неопухолевые заболевания методом лучевой терапии. Для каждого больного избирается свой лучевой метод воздействия. Больной обязан выполнять указания врача, это поможет ему в борьбе с заболеванием». Сами понимаете, после изучения данного «разъяснения» туман в моей голове не рассеялся.

Наконец передо мной возникла усталая женщина в белом халате. Она взяла направление и спросила:

– В первый раз?

– Да, – робко ответила я.

На том беседа завершилась.

Меня отвели в большой зал – холод там стоял чудовищный! – и велели лечь на высокий узкий железный стол. Врач начала измерять верхнюю часть моего тела линейкой и чертить на голой коже какие-то круги, линии, зигзаги. В голову полезли новые вопросы. Почему тут мороз, как в холодильнике? По какой причине на стол не положили хотя бы тоненький матрасик? Нижняя часть тела, похоже, не будет подвергаться воздействию, меня оставили в колготках. Неужели трудно накрыть ноги одеялом? Может, плед и матрас помещают лучевому воздействию?

Меня еще сильнее заколотило.

– Лежите спокойно! – рассердилась врач. – Вот сделаю неправильный расчет, и ничего не получится. Чего дергаетесь? Вам больно?

– Нет, – честно ответила я и замерла на ледяной плоскости, побоявшись озвучить суровой тетке свои мысли.

Ну, да, болевые ощущения отсутствуют, но человеку ведь может быть просто холодно и страшно. Неужели все доктора в онкологических клиниках такие бездушные? Вероятно, надо просто сцепить зубы и спокойно ждать, что произойдет дальше.

– А теперь не шевелитесь, – приказала тетка, так и не назвавшая своего имени.

Последние слова она договаривала уже на пороге кабинета.

– Погодите! – пропищала я. – Это больно? Если очень

сильно будет обжигать, вероятно, я не смогу удержаться и вздрогну.

– Не говорите глупости, – раздалось в ответ. – Кто заинтересован в действенном результате лечения? Вы или я? Вот и не двигайтесь.

До сих пор не понимаю, почему врач просто не сказала: «Процедура похожа на рентген, вы не почувствуете ни малейшего дискомфорта».

Тяжелая створка хлопнула о косяк, что-то защелкало, загудело, ко мне спустилась какая-то штука и начала поворачиваться, шуршать... Я лежала, боясь глубоко дышать, и очень скоро услышала голос с потолка:

– Вставайте.

Я выскочила из кабинета, увидела за столом пожилую медсестру и кинулась к ней с вопросом:

– Это все?

– А вы чего хотели? – пожала та плечами. – Блинов со сметаной? Не опаздывайте на следующую процедуру. Пропустите указанное время, не примем.

В состоянии, близком к эйфории, я влетела в метро. Лечение онкологии оказалось не так ужасно. Пункция – чистая ерунда, а лучевая терапия и вовсе пустяк. В следующий раз надену шерстяные колготки и не буду похожа на замороженного бройлера.

Поскольку более на страницах своей книги я к описанию подробностей лучевой терапии не вернусь, разрешите сейчас

очень кратко и просто объяснить, в чем суть метода, и дать несколько практических советов.

Лучевая терапия – это использование радиации для борьбы как с онкологическими, так и с другими заболеваниями. При облучении больные клетки гибнут. Но, уничтожая их, радиация может навредить и здоровым клеткам. Вот только последствия отрицательного воздействия можно устранить, а рак сам собой не пройдет. Не надо бояться лучевой терапии, она не сделает вас инвалидом. В процессе облучения лично мне стало намного легче: прошла боль в груди, прекратилось кровотечение. Излучение производят несколькими способами: дистанционно – вы просто лежите на столе под аппаратом или вас могут поместить в специальное устройство, нечто вроде томографа. Иногда радиоактивный элемент вводят прямо в больной участок при помощи укола или вас попросят выпить некую жидкость. Сразу успокою – боли не будет. Конечно, не очень приятно, когда в тебя втыкают иголку, но секундный дискомфорт легко пережить.

При первом визите врач нанесет вам на тело специальные метки. Они нужны для правильной настройки аппарата и делаются специальным составом. «Живопись» смывать нельзя. В самом процедурном кабинете вы будете находиться недолго, как правило, от одной до пяти минут. Там действительно немного прохладно, но совсем не так холодно, как мне первый раз показалось от страха. Если врач разрешит, можно надеть теплое белье. Пониженная температура поддержи-

вается не для того, чтобы помучить пациента, она необходима для нормального функционирования техники. Вы будете слышать разные звуки – пощелкивание, гудение. Так и должно быть. Ничто не работает абсолютно тихо: фен, холодильник, стиральная машина тоже шумят, даже утюг и тот шипит.

На время самой процедуры доктор уйдет. Он же не может находиться в зоне облучения всю рабочую смену, более трехсот дней в году. Вам следует лежать смирно, чтобы лучи попали только в нужную зону. Не надо чесаться, шевелиться, чихать, кашлять, разговаривать с медперсоналом. Замрите на столе, постарайтесь дышать ровно. Ведь совсем не трудно пару минут оставаться в одной позе. Подумайте о чем-нибудь приятном, хоть о пирожном, которым наградите себя за поход к врачу. Знайте: за вами наблюдают, вас не оставили без внимания и сразу придут на помощь, если случится нечто непредвиденное. Вы не одна, процесс под контролем.

Лично я во время лечения не получила никаких тяжелых побочных эффектов. Так, мелкая ерунда: сухость кожи в больной зоне, шелушение, зуд, небольшая краснота. Все симптомы напоминали последствия солнечного ожога, полученного на берегу моря, и устранялись при помощи крема для тела. Какого? А любого, который вам понравится. «Детский», «Люкс». Загляните в большой торговый центр, там точно в отделе косметики подберете подходящий, выбор сейчас огромен. Но только не берите сильно парфюмированный,

отдушки могут стать аллергеном. И, пожалуйста, не гонитесь за дорогим товаром, мне отлично помогал вполне бюджетный «Малыш».

Во время прохождения курса лучевой терапии не посещайте баню, бассейн. Вам нельзя пользоваться скрабом и интенсивно тереть кожу мочалкой. Во-первых, нельзя убирать «разметку», а во-вторых, не стоит подвергать облучаемый участок механическому воздействию. По этой же причине не носите обтягивающую одежду или «кусачие» свитера. Лифчик лучше купить самый обычный, хлопковый, без кружев и металлических «косточек» под чашечками. Я понимаю, что женщине хочется носить красивое белье, но пофорсить вы еще успеете. Сначала вылечитесь, а потом приобретайте комплекты в стразах, с вышивкой, золотыми перьями.

Сейчас у вас такой период жизни, что нужны самые простые бюстгалтеры, да количеством побольше – белье вам придется менять часто, вероятно, пару раз в день, оно будет быстро пачкаться от крема, и «разметка» может оставить на нем следы.

По поводу режима питания посоветуйтесь с врачом. Я исключила из рациона копченые, жирные, соленые продукты. Завтракала, как правило, овсяной кашей, куда резала небольшой кусочек сыра, пила кофе. Никакой особой диеты я не придерживалась, но и не ела безостановочно. Я не большой любитель колбасы-сосисок, мяса практически не упо-

требляю, зато готова полакомиться треской, лососем и обожаю овощи с фруктами.

Если вы привыкли заниматься спортом, регулярно посещаете фитнес, любите ворочать штанги, приседать с гантелями, то расскажите своему тренеру об облучении. Скорей всего, он разработает для вас индивидуальный план занятий или посоветует временно переключиться на пилатес. А вот ежели вы совсем не спортивный человек, непременно ходите на прогулку по парку или по не особо шумным улицам. Помните слова Гиппократов: «Движение – жизнь».

И старайтесь доставлять себе удовольствие, маленькие радости. Ходите в кино, покупайте интересные книги, играйте с ребенком, приобретите цветок в горшке, клубок ниток для вязания.

Вы молодец, вы достойны похвалы, вы лечитесь. Да, впереди трудное время, но любая дорога начинается с первого шага. Чем дольше вы идете по намеченному пути, тем ближе цель.

Не повторяйте моей ошибки – не ждите, что лучевой терапевт охотно расскажет вам о том, как следует себя вести. Сами задавайте вопросы, не стесняйтесь, даже если собственный вопрос кажется вам глупым или каким-то неудобным. И еще. Доктора попадают разные, бывают среди них, повторяю, равнодушные, злые люди, но нормальных специалистов намного больше, и они искренне хотят вам помочь. Вот только подчас профессионал полагает, что пациент в курсе,

что такое лечение лучами. Если не хотите, как я, трястись от страха по пустякам, спокойно скажите: «Простите, пожалуйста, я далека от медицины. Объясните, в чем суть предстоящей процедуры? Как она проводится, как нужно к ней готовиться? Будет ли больно?»

Пожалуйста, не ждите ничего плохого, скорей всего, вы, как и я, не испытаете дискомфорта. Впрочем, могу рассказать о неприятном моменте, не связанном с физическими страданиями.

Поскольку никаких неудобств лечение мне не доставляло, я продолжала работать в прежнем режиме, преподавала немецкий язык детям. Среди моих учеников был мальчик Коля, с мамой которого у нас даже наметилось нечто вроде дружбы. Софья Викторовна тоже работала учителем, но математики, и являлась кандидатом наук. Улыбчивая, интеллигентная, хорошо воспитанная женщина, и сынишка у нее был очаровательный. Я комфортно чувствовала себя в их уютной, красиво обставленной квартире. В детской у Коли было много замечательных книг. Еще во время первого визита к ним мне стало ясно, что мы с Софьей Викторовной родственные души – она дает сыну читать те же произведения, что я даю своим детям.

Через пару дней после начала лучевой терапии я, как обычно, приехала к Коле, сняла пальто, туфли и хотела уже идти к мальчику. Но была остановлена хозяйкой.

– Агриппина Аркадьевна, вы запачкали ручкой шею.

Я глянула в зеркало и смутилась.

– Это разметка врача.

Софья Викторовна быстро отошла в сторону.

– Не поняла!

– Я прохожу курс лучевой терапии, – объяснила я, – некоторое время придется гулять раскрашенной.

Мама Коли попятилась.

– Лучевая терапия? Вы больны? Чем?

– Онкология, – ответила я. – Но, пожалуйста, не волнуйтесь, я не брошу Колю, буду с ним заниматься, мы прервемся лишь на время моего пребывания в больнице.

Софья Викторовна бочком подобралась к вешалке, сорвала с крючка мое пальто и закричала:

– Уходите!

Я опешила.

Хозяйка дома схватилась за свою сумку.

– Вот, держите деньги за сегодняшний урок и немедленно уезжайте. Спасибо, мы более не нуждаемся в ваших услугах. Как вам не стыдно!

– Что я сделала плохого? – удивилась я.

– Приходите к ребенку, приносите заразу, распространяете инфекцию! – заорала дама. – Чтобы ноги вашей около нашего дома не было! Убирайтесь, пока я не позвала мужа! Выметайтесь подобра-поздорову!

Я ушла молча, но после этой малоприятной сцены стала надевать на занятия водолазку. Рак не инфекционная бо-

лезнь, он не передается воздушно-капельным, половым или каким-нибудь иным путем. Но, к сожалению, встречаются люди, которые считают, что онкологических больных необходимо изолировать от общества. Мне несколько раз попадались такие экземпляры.

Пару лет назад одна журналистка из весьма уважаемой мною газеты явилась на интервью ко мне в медицинской маске.

– Подхватила небольшую простуду, не хочу вас заразить, – пояснила она.

Я была тронута заботливостью девушки, попыталась напоить ее чаем. Корреспондентка назвалась верующей, а у православных как раз был пост, поэтому она не притронулась ни к еде, ни к чаю, мгновенно задала свои вопросы и поторопилась уйти. Помнится, я на прощание протянула ей руку. После секундного замешательства гостя мимолетно коснулась моей ладони и ушла. Ворота нашего участка можно открыть дистанционно, не выходя на улицу, просто надо подойти к одному из окон первого этажа и нажать кнопку на брелке. Я приблизилась к окну и увидела, как девушка разрывает мешочек с гигиеническими, пропитанными антибактериальным составом салфетками. Представительница прессы, похоже, очень нервничала – она выдернула сразу несколько платочков и начала яростно тереть правую ладонь. Затем, сорвав с лица маску, она, наплевав на макияж, принялась возить салфетками по щекам, шее...

Было желание выйти и сказать ей: «Солнышко, я совсем не заразна, после удачной операции по удалению опухоли прошло более десяти лет, с меня снят онкологический диагноз. Ну, включи логику, сообрази, какое количество людей находится со мной в тесном ежедневном контакте: члены семьи, домработница, сотрудники издательства «Эксмо», и никто, слава богу, не заболел. Мой любимый редактор и близкая подруга Олечка Рубис за время нашей дружбы успела родить троих детей. Может, общение со мной приносит удачу, счастье и способствует материнству?

Но я удержалась, просто молча смотрела вслед уезжавшей машине. Как реагировать на таких людей? Ну, знаете ли, дураков в мире много. Одни боятся конца света, другие инопланетян, встречаются расисты, антисемиты, а есть идиоты, считающие женщину с раком груди страшно заразной. Если вам на жизненном пути попадется подобный экземпляр, просто улыбнитесь и проходите мимо. Не стоит пытаться разубеждать дурака, тот останется при своем мнении, а вы испортите кучу нервов.

Знаете, стопроцентно здоровых людей нет, у каждого свои проблемы: герпес, язва желудка, гастрит-колит, камни в почках. Вполне вероятно, что шарахающийся от вас человек болен туберкулезом или гонореей, и это вам надо держаться от него подальше.

Не переживайте из-за встречи с идиотом. Умными становятся в процессе жизни, а вот дурак – это врожденное каче-

ство. Помните восточную мудрость: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, все учителя. Поблагодарите мысленно глупца за урок и занимайтесь своими делами».

Альтернативное лечение

Курс лучевой терапии длится довольно долго. Я спокойно посещала сеансы, пока к нам в гости не прибежал Ваня Ремизов и не рассказал об удивительных людях, которые за просто справляются с онкологией методом биоклебаний.

– Наши органы испускают волны, – ажитированно говорил приятель (между прочим, доктор исторических наук). – Мы их не видим, но чуткий аппарат их улавливает и сразу понимает: ага, раньше печень сигналила о себе нормально, а теперь вон чего творит – стрелка зашкаливает. Биоисследователь видит нарушение и исправляет его.

Я разинула рот.

– И как он это делает?

– Специальной машинкой приводит орган в порядок, – радостно пояснил Ремизов.

– Не понимаю, – протянула я.

Ваня очень хотел мне помочь, поэтому доступно объяснил:

– А ты можешь объяснить принцип работы телевизора? Ведущий шоу находится в студии, почему же ты видишь его у себя дома?

Я никогда не увлекалась ни точными науками, ни техникой, но в тот момент в моей светлой голове появился ответ.

– Телик втыкается в розетку, изображение перетекает по

проводам.

– Аппарат биоисследователя тоже подключается к электричеству, – сказал Ваня. – Вот ты сейчас ходишь на лучевую терапию. Видишь эти лучи?

– Нет, – признала я, – они незаметны.

– Но помогают! – напомнил приятель.

– Очень даже хорошо, – кивнула я. – Теперь сплю спокойно, боль ушла. Специалисты, к которым ты меня отправляешь, работают с похожей техникой?

– Их изобретение намного лучше! – с жаром воскликнул доктор исторических наук. – Аппарат испускает не лучи, а волны, работает на более глубоком уровне, не наносит вреда. Ты сможешь бросить опасную лучевую терапию.

Я покосилась на мужа и категорично заявила:

– Очень хочу попасть к ним на прием! – Лицо Александра Ивановича выражало сомнение, но он произнес:

– Хорошо, попробуем. Но лучевую терапию я тебе прекращать запрещаю. И сначала выясню, совместим ли метод биоколесаний с традиционным лечением.

– Ваня уверяет, что он лучше. Зачем тогда лучевая терапия? – заикнулась я. – Она ведь не самая безопасная.

– Молчать! – рявкнул Александр Иванович. – Заткнуться! Сидеть тихо! Слушать меня!

Собака Черри, присутствовавшая при беседе, прижала уши, опустила хвост, шлепнулась на живот и по-пластунски поползла в коридор. Я растерялась. Никогда мой муж, интел-

лигентный, умный, бесконечно добрый человек, так не общался со мной. За почти шестнадцать лет семейной жизни я ни разу не услышала от него бранного слова, он даже с тещей не выяснял отношений, хотя моя мама могла в его присутствии громко рассуждать о «наглых провинциалах, которые приезжают из Львова в Москву, поступают в МГУ и подыскивают себе столичных девочек, чтобы решить квартирный вопрос». На подобное заявление Александр Иванович реагировал с улыбкой. И вдруг – такой крик!

Как же я теперь благодарна супругу за проявленную жесткость! Он удержал меня от огромной ошибки, не позволил прервать курс облучения, фактически спас мне жизнь. Но правильное понимание ситуации пришло позднее, а в тот момент я очень обиделась и разревелась.

– Лучшее враг хорошего, нельзя бросать начатое лечение, – уже тише произнес Александр Иванович. – Ну-ка, сделай нам чай.

Шмыгая носом, я пошла на кухню, занялась домашними делами. И лишь спустя много лет узнала от своей дочери Маши, которая примчалась на непривычный вопль папы в гостиную, как развивались события после того, как супруг отправил меня к плите.

Сначала он узнал, сколько стоит курс у биотерапевтов. Названная сумма испугала Машу. Мы всегда рассказывали детям, сколько зарабатываем, на что тратим деньги, и дочка знала, какое количество рублей лежит в шкафу (зачек

Александр Иванович не делал). Муж в секунду принял решение. Он позвонил своему приятелю Тахиру Базарову. Тахир и его жена Лиля моментально согласились дать необходимую сумму. Базаровы, как и мы, не были миллионерами, растили двух детей, но все же поделились своим стратегическим запасом. Лилия спокойно сказала моему мужу:

– Саша, не переживай. Вернешь, когда сможешь, не нужны нам эти деньги. Вот честное слово, совсем не нужны!

Отец запретил дочери рассказывать мне о финансовой проблеме. Манюня долго держала язык за зубами и раскололась, лишь когда я села писать эту книгу. А Базаровы никогда не вспоминали о том эпизоде (Александр Иванович тайне от меня взял еще одну подработку и расплатился с Тахиром).

На следующее утро мы с мужем приехали в небольшой дом, где биотерапевты занимали две комнаты. Нас встретили улыбчивые, очень позитивные люди, Боря и Катя.

Сейчас я хорошо знаю: те, кто занимается нетрадиционными методами лечения, делятся на две группы. Одни, откровенные мошенники, торгуют водопроводной водой и сахарными таблетками, выдавая их за уникальные лекарства, прикидываются колдунами, хилерами, волшебниками, вымогают у больных людей деньги. Но есть другие специалисты. Они честно заблуждаются в отношении своих способностей, верят в то, что собственными руками «разгонят черную ауру болезни», или изобретают всякие аппараты, наив-

но думая, что создали панацею. И те, и другие больным не помогают, не стоит тратить время, деньги и силы на походы к таким гиппократам. Но это сейчас я такая умная, а тогда Боря с Катей чрезвычайно мне понравились. Сразу скажу, они принадлежали к когорте честно заблуждающихся. Катя называла себя «гомеопат-резонатор», а Боря представился как «биоэнергетик-химиокуратор».

Муж уединился с Борисом, как я сейчас понимаю, для оплаты услуг. Представляете, в каком я находилась состоянии, если даже не подумала про деньги? Кстати, за лучевую терапию в военном госпитале с меня не взяли ни копейки.

Катя занялась мною. Она очень внимательно расспросила меня о привычках, потом начертила какой-то график и сказала:

– В вашей натальной карте нет онкологии.

– Диагноз подтвержден анализами, – вздохнула я, – у меня нет причин для сомнений.

– Но вам не суждено было болеть раком, – протянула Катя, – вы получили чужую беду.

– Хорошо бы теперь от нее избавиться, – усмехнулась я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.